Радослав Вечерка (Брно)

К ТОЛКОВАНИЮ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ ПРЕСЛАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ШКОЛЫ

Первый славянский литературный язык в великоморавской (кирилло-мефодиевской) и преславской школах был в основном единным и общим инструментом литературного творчества и общения древних моравлян и болгар. Тем не менее, отмечаются тоже известные отличия между языковыми нормами обеих приведенных школ древней славянской письменности. Эти отличия — хотя они в некоторых случаях и отвечают общим закономерностям развития славянских языков — не всегда возможно объяснить и толковать как прямолинейное следствие простой временной последовательности языкового процесса, как исторически надлежащее появление и постепенное нарастание новых и вытеснение архаических, отживающих уже языковых явлений и средств. Литературный язык Великоморавии и литературный язык Первого болгарского царства в преславском центре не представляют собой феномен до той степени компактный и монолитный, чтобы его дифференциация осуществлялась органически только по хронологической линии. Подобное понимание было бы ничем иным, как „коротким замыканием". Для достаточно полного, всестороннего и правильного обсуждения изменений, наблюдаемых в языке преславской школы по сравнению с языковыми нормами великоморавской школы, необходимо толковать каждое из них с трех разных точек зрения: 1. с точки зрения хронологической (т. е. исторической, или стадиальной), 2. с точки зрения территориальной (т. е. диалектной) и 3. с точки зрения функциональной, принимающей во внимание специфику данного языка именно как языка литературного.

Этот „трехступенчатый" прием исследования проиллюстрирую на примере из синтаксиса количественных числительных, основанном на сравнении более древних с более новыми сочетаниями типа: числительное + существительное, обозначающее считаемые предметы", а именно:

а) в именительном-винительном падежах с числительными от 11 до 14;

б) в косвенных падежах с числительными от 5 до 10, 100 и 1000.

Таким образом, я вновь возвращаюсь к проблематике, о которой опубликовал статью в 1960 году (в сборнике Романского); однако, остался тогда на пути к познанию лишь на первой ступени.

Как известно, в позднем праславянском числительные от 1 до 4 имели синтактическое значение и функцию имен прилагательных, согласованных со считаемым существительным атрибутов. В сочетаниях со считаемыми существительными числительное было определяющим членом, существительное же определяемым членом, синтактические отношения всей синтагмы выражало своей флексией существительное как ее управляющий

член. Наоборот, числительные от 5 до 10, 100 и 1000 носили характер существительного; в сочетания со считаемыми существительными числительное было определяемым членом, существительное же определяющим, т.е. зависимым членом; синтаксические отношения всей синтагмы выражало в этом случае своей флексией числительное как ее управляющий член, между тем как считаемое существительное стояло при нем как подчиненный член постоянно в форме родительного падежа множественного числа. Значит, было десѧть овьць как стадо овьць и о десѧти овьць, как о стадѣ овьць. Остальные числительные образовались при помощи разнообразных комбинаций числительного 10 (или 100, 1000) и числительных от 1 до 9. Из них для нас важны числительные второго десятка, образованные при помощи числительньх от 1 до 9 в сочетании с предложным оборотом на десѧте. Носителем синтаксических отношений этого перифрастического числового выражения была первая часть, т. е. числительные от 1 до 9, между тем как вторая часть, т. е. оборот на десѧте для синтаксической связи такого числительного со считаемым существительным не играл никакой роли, был иррелевантным. Таким образом, у числительных второго десятка повторялась в отношении их синтаксиса ситуация числительных первого десятка: числительные от 11 до 14 выступали согласованными атрибутами своего считаемого существительного, числительные же от 15 до 19 его управляющими членами.

В процесе исторического развития числительных в славянских языках, прежде всего, первоначальные составные, перифрастические числительные второго десятка (и некоторые другие) превращались в однословные числительные; вследствие этой универбизации начали числительные от 11 до 14 равняться в синтаксическом отношении числительным от 15 до 19 (и, разумеется, также от 5 до 10). Далее, числительные исконно субстантивного характера лишались флексии, грамматического рода и синтаксических свойств существителных вообще; вследствие этой десубстантивации начали в сочетаниях этих числительных со считаемым существительным выражать синтаксические отношения данных синтагм своей флексией считаемые существительные.

Древнейшие тексты, сохраняющие еще относительно хорошо нормы литературного языка великоморавской эпохи, т.е. канонические евангельские кодексы, только что названное позднее праславянское состояние синтаксиса числительных соблюдают почти последовательно. Совсем обычными, нормальными являются в них примеры, как (1) Ио. 11.9 не дъва ли на десѧте часа есте въ дьнн Зогр. (Мар., Асс., Сав., Купр. дьвѣ на десѧте годннь), между тем как неологизмы засвидетельствованы лишь в следущих (редких!) примерах, а) без разночтений: (2) Мф. 1.17 родъ дѵ̄ Сав., Асс (3х); (3) Мр. 5. 25 жена етера сѫштн . въ точенні кръве лѣт ѣ̄ї̄ Зогр., Мар., Асс., Сав., Унд., и б) в одном стихе с исконным типом в вариантном чтении: (4) Лк. 9. 17 възаша нзбъıвъшее нмъ кошъ ѣ̄ї̄ Мар. Х Зогр. коша дъва на десѧте. Неологизмы, появляясь в тождественных стихах в тексте евангелий апракос и тетра, представляют несомненно явление — хотя и совсем редкое, единичное! — уже первого кирилло-мефодиевского перевода.

Абсолютно преобладающим в количественном отношении является в евангельских кодексах также исконный тип в сочетаниях субстантивных числительных со считаемым существительным в позиции косвенного падежа, т. е. в примерах, как (5) Лк. 19. 17 надъ десѧтьм̃ градъ Зогр., Мар., Асс. Неологизмы опять лишь исключительны; без разночтений мне известен один пример: (6) Лк. 14.31 съ дьвѣма ї̄ ма тысѫштама Зогр., Мар., с

вариантами два: (7) Лк 14.31 съ десѧтнѫ тысѧштѫ Зогр. Х Мар. тысѧштъ; (8) Лк 15.7 о девѧти десѧть и девѧти правєдьнѣцѣхъ Мар. Х Зогр. правьдьнѣкъ. Единственный пример без разночтений принадлежит, по всей вероятности, великоморавской эпохе, но так как он содержится в комплеторной части евангелий-тетра, то он представляет в текстологическом отношении явление более молодое, чем приведенные редкие неологизмы числительных от 11 до 14.

Совсем другую картину образует синтаксис числительных в Супрасльской рукописи, большинство частей которой восходит к преславской школе. Что касается числительных от 11 до 14, статистически в ней неологизмы, как (9) 122.5 дъва на десѧте златницъ, отчетливо перевешивают над исконным типом, как (10) 428.29 двѣ на десѧте бо бѣста кошѣнцѣ оукроухъ осталѣ. Что же касается сочетаний субстантивных числительных со считаемым существительным в позиции косвенного падежа, то в ней неологизмы, как (11) 425.21 на трєхъ сътѣхъ днѣнрнхъ. засвидетельствованы в количественном равновесии с исконным типом, как (12) 419.27 на трєхъ десѧтєхъ днѣнрнн. Наши наблюдения можно подытожить таким образом, что языковое состояние, засвидетельствованное Супрасльской рукописью представляет в отношении синтаксиса числительных более молодую стадию развития первого литературного языка славян, как я уже написал в цитированной выше статье из 1960 года. Тем не менее, эта формулировка, хотя и в общем правильна, является не совсем точной, так как в ней содержится имплицитное представление, будто приведенные изменения в системе числительных осуществились как следствие внутреннего развития старославянского языка от великоморавского до преславского периодов, т.е. в течение не целого одного века. И это представление вряд ли правильно. Изменения в области фонетики, правда, протекают довольно быстрыми темпами, осуществляясь как смена исконной фонемы новой приблизительно в течение именно однаго века, синтаксические же изменения протекают, как правило, более медленными темпами. В нашем случае, поэтому, бросающееся в глаза быстрое нарастание новых, более молодых языковых средств в памятнике, отражающем языковые нормы преславской школы, придется объяснить не как непосредственное следствие органического языкового процесса, осуществившегося как хронологически линеарная постепенность изменений литературного языка, а, скорее, как следствие проникновения в тексты оборотов из тех диалектов, которые характеризовались — в синхроническом сечении! — более прогрессивной стадией развития, чем та, которая легла в основу литературного языка кирилло-мефодиевской эпохи. Хотя конкретные данные о болгарских диалектах IX—X веков нам неизвестны, все же можно сделать определенные заключения при помощи общих установлений лингвистической географии. Кирилло-мефодиевский язык был основан на южных балканских диалектах, которые представляли периферию древней болгарской языковой территории; да периферия, как общеизвестно, зачастую сохраняет архаическое состояние языка. Таким образом, представляется вполне возможным, толковать характеристические черты синтаксиса в кирилло-мефодиевском языке как архаизмы, отражающие диалектные особенности периферийного ареала, а состояние Супрасльской рукописи как отражение в памятники диалектной ситуации центрального ареала, характеризующегося — одновременно — уже более прогрессивной стадией языкового развития.

Однако, диалектная точка зрения сама по себе является для всесторонней интерпретации наблюдаемых явлений все еще не вполне

удовлетворительной. Дело в том, что никакой литературный язык нельзя отождествить с тем или другим народным диалектом, никакой литературный язык не представляет непосредственную графическую фиксацию какого-нибудь живого говора. Древнейший славянский литературный язык, правда образовался на живой языковой базе солунских диалектов, но он с самого начала своего существувания в литературе от них в многом и отличался, ибо должен был обслуживать такие коммуникативные потребности, которые в живой славянской речи до тех пор вовсе не встречались. Кроме того, в преславской школе литературный язык не образовали снова; сюда же был привнесен вполне уже оформленный литературный язык из Великоморавии, да притом снабженный чрезвичайным общественным престижем как язык литургический. Само собой разумеется, что литературный язык вступал в преславском центре в специфические связи с местной диалектной обстановкой, образуя вместе с ней комплексную языковую реальность данного региона. Однако эти связи не имели обязательно характер одностороннего проникновения элементов из живой речи в литературный язык. Небезинтересно, что в среднеболгарских библейских памятниках, т. е. в рукописях на век и три более молодых чем Супрасльский кодекс, в отношении синтаксиса числительных от 11 до 14 наблюдаются приблизительно те же самые количественные реляции исконных типов и неологизмов, как и в Супрасльском кодексе, в отношении же сочетаний субстантивных числительных со считаемым существительным в позиции косвенного падежа их состояние даже намного архаичнее Супрасьского кодекса, так как в пяти седьмых, и, если взять только евангелия, даже в семи восьмых из всех примеров сохраняется исконный тип. Приведенные архаические явления из среднеболгарских библейских памятников можно без затруднений объяснить как текстовые традиционализмы, восходящие к великоморавским языковым нормам или непосредственно, в рукописях, являющихся последним звеном связной цепи списков с кирилло-мефодиевских первоисточников, или опосредствованно, как следствие сохранения в новых переводах языковых норм древних авторитетных рукописей. Во всяком случае, синтаксические архаизмы числительных пережили в писеменных текстах половину тысячелетия, хотя они в течение этого продолжительного периода вступали в сношения с живой языковой обстановкой разных местных диалектов и говоров болгарского языка, в которых числительные развивались уже другим образом.

Однако, специфика литературного языка не изчерпывается его особенностями, связанными с текстовым традиционализмом. Если вернуться на почву преславской школы, то интересные результаты даст сравнение Супрасльской рукописи с Шестодневом Иоанна экзарха Болгарского, с которого я взял частичный образчик. Хотя произведение сохраняется лишь в более поздних списках от XIII-го до XVII-го веков, оно опять таки в отношении синтаксиса числительных архаичнее Супрасльской рукописи: в случае числительных от 11 до 14 исконный и более новый типы представлены в нем приблизительно в равновесии, в случае сочетаний субстантивных числительных со считаемым сущуствительным в позиции косвенного падежа исконный тип преобладает. Значит, нормы литературного языка преславской школы представляются не строго унифицированными. Их характерной чертой является определенная терпимость к применению элементов из живой речи. Открытая возможность, или пользоваться ими, или не пользоваться ими, увеличила количество дублет в литературном языке и расширила шкалу его выразительных средств,

состоявших в распоряжении писателей по их стилистическим замыслам. В нашем случае, как мне кажется, более архаические и тем самым книжные средства в Шестодневе Иоанна экзарха хорошо отвечают ученому и отвлеченному жанру его произведения, между тем как эпическому жанру агиографии в Супрасльской рукописи, т.е. собственно говоря рассказам, лучше подходят средства живого говора.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Супрун, А. Е. Старославянские числительные, Фрунзе, 1961.

[2] Супрун, А. Е. Славянские числительные, Минск, 1969.

[3] Вечерка, Р. К синтаксису имен числительных в старославянском языке (сб. Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски, София, 1960, 195—208).

[4] Večerka, R. Syntax základních číslovek v středobulharskych památkách biblických (Sborník prací fil. fak. Brno A 16, 1968, 89—108).

[5] Večerka, R. Syntax základních číslovek v bulharských damaskinech (Sborník prací fil, fak. Brno A 19, 1971, 41—54).